

ССЫЛЬНЫЙ ПОЭТ

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «ВРЕМЕН СОЕДИНЕНЬЕ»

Сенатская площадь в туманной дымке. Михаил Бестужев первый привел сюда 14 декабря 1825 года Московский полк. Он — в тревожном ожидании. И вдруг видит, как к нему подбегает группа кадетов во главе со стройным юношей. В соколиных его глазах — сияющий восторг и решимость.

— Мы присланы депутатами от наших корпусов, — захыхавшись, говорит он. — Просим позволения прийти на помощь и сразиться вместе с вами.

— Как ваше имя? — спрашивает Бестужев, любуясь выправкой юноши.

— Соколовский. Выпускник первого кадетского корпуса.

— Поблагодарите своих товарищей за благородное намерение. — просит Бестужев и со всей серьезностью добавляет:

— Поберегите себя для будущих подвигов...

Так или примерно так хотелось бы начать Владимиру Чивилихину роман, в центре которого он решительно готов поставить Владимира Соколовского как героя. По мнению писателя, он «мог вполне явиться на площадь в составе делегации, но «был ли он действительно на площади 14 декабря 1825 года — это, к сожалению, пока неизвестно».

...Кто же он, этот человек, так долго пребывавший в забвении и ставший, в сущности, героем своего времени, вернее, героем безвременья. И как человек и как поэт Владимир Игнатьевич Соколовский (1808—1839) безусловно трагическая фигура, не развернувшая своих больших возможностей. Современники по-разному оценивали его. И если суждения о нем, как о человеке дерзкого, вызывающего поведения, настораживали, то в оценке его поэтического дарования сходились литераторы крайних вкусов и ориентаций. По словам Александра Герцена, Соколовский «имел от природы большой поэтический талант». В Жуковский даже пугался этого: «Вот поэт, который убьет все наши дарования». Он считал, что в поэме «Альма» «заключается много прекрасного», а автор ее «имеет высокий благородный талант, превосходно владеет языком» и «достоин особого внимания».

Вокруг имени Соколовского возникали легенды. Накопилось немало нелепостей и паллоев, искажающих его творческий облик. Но, несомненно, он был весьма сложной и противоречивой личностью, а творчество его никак не укладывалось в рамки «крайнего романтизма», в которые его пытаются втиснуть.

И все-таки о многом в жизни и творческой судьбе В. Соколовского сегодня можно

сказать с уверенностью. Сибиряк по рождению, он воспитывался в Петербурге, в 1-м кадетском корпусе, служил в Томске и Красноярске у своего отца — томского губернатора — и дяди — А. П. Степанова, губернатора Енисейской губернии. В начале 1832 года Соколовский появился в Москве, издал здесь первую свою книгу «Мироздание», начал работать над поэмой об Иване Грозном, выпустил в свет «Рассказы сибиряка» и роман «Одна и две, или Любовь поэта». Еще в Сибири он познакомился с «первым декабристом» В. Ф. Раевским, а в Москве подружился с Александром Полежаевым, тяжкую судьбу которого ему вскоре суждено было разделить. Знаменательно и то, что среди литературной молодежи Москвы Соколовского особенно заинтересовали Герцен и Огарев.

Перебравшись в Петербург и поступив на службу, он начинает искать связи с передовыми литературными кругами, но тут произошли события, сломавшие его жизнь. В июле 1834 года московская полиция, устроив с помощью провокаторов засаду, арестовала несколько членов герценовского кружка, а затем и самих Герцена и Огарева, давно уже подозреваемых в вольнодумстве. Поводом для ареста явилось пение пасквильных куплетов, «дерзких стихов» («Русский император в вечность отошел...»). Выяснилось при этом, что сочинитель «возмутительной» песни — В. Соколовский. Его арестовали и привезли в Москву на следствие. С тех пор поэт уже не знал свободы. После девятимесячного заключения в Москве его заточили на бессрочное время в Шлиссельбургскую крепость, где он более полутора лет содержался в одиночной камере.

И в заточении, и по выходе из застенка, когда несколько месяцев жил в Петербурге, и в самой вологодской ссылке поэт продолжал работать. Начатую еще до ареста драматическую поэму «Хеверь» он завершал в заключении, а в Вологде заканчивал работу над поэмой «Альма». Первая создавалась по мотивам библейской книги «Исфирь», вторая — книги «Песнь песней».

Еще в марте 1837 года была известна «высочайшая воля», определившая Соколовского на службу в Вологодскую губернию «под самым строгим надзором начальства». Но все лето и начало осени удавалось как-то уклоняться от исполнения этой воли. Наконец под давлением самого Бенкендорфа и с его указанием не останавливаться в пути пришлось спешно выехать. И 29 сентября 1837 года ссыльный поэт явился к вологодскому

губернатору. Сообщая об этом, Д. Бологовский отмечал, что Соколовский «к должности еще не определен по неимению о прежней службе его аттестата или формулярного списка».

И, как говорится, пошла писать губерния. Правда, пока велась затанувшая на несколько месяцев поиски документов, Соколовский окупился в дела, связанные с открытием в Вологде первой газеты. В это же время создавалась губернская типография, объявлялась подписка на «Вологодские губернские ведомости». Редактором неофициальной части газеты стал Вл. Соколовский. Сам губернатор предписывал ему «заняться разбором старых бумаг и извлечением из старинных рукописей того, что относительно сущности дела или замечательной формы выражения окажется достойным общественного внимания».

Ссылному поэту открывается доступ к древним рукописям, в ризницы, библиотеки и архивы соборов и монастырей всей епархии. Интерес к прошлому край во многом определяет своеобразие неофициальной части «Вологодских губернских ведомостей». С первых же номеров газеты заведена была и «Вологодская хроника», в сильной мере опиравшаяся на летопись архиепископского певчего 1690-х годов Ивана Слободского. Талант Соколовского как редактора особенно сказался на разделе «Разные известия» в живой почве событий.

С середины 1838 года газета приступила к публикации образов русской письменности XVI—XVII веков, к описанию монастырских древностей. Но Соколовский, скорее всего, уже не мог по состоянию здоровья принимать участие в этих публикациях. Он охотно обращается к помощи местных краеведов, а к концу года редактором неофициальной части газеты назначается Ф. Фортунатов.

Вологда с первого дня встретила Соколовского весьма радушно, как талантливого поэта. К властям он явился с рекомендациями видных литераторов — Жуковского и Вяземского, а еще — князя А. Н. Голицына и других «сиятельных» лиц. Д. Н. Бологовский обещал Соколовскому «занятие сколь возможно значительное» и выполнил обещание, оставив поэта при себе чиновником особых поручений. Надо прямо сказать, что в судьбе Соколовского многие вологжане приняли живое участие, а губернатор даже внушал сильным мира сего в Петербурге важность возвращения «литературному попри-

щу поэта с добрым талантом». Восторженно встретили Соколовского молодые его почитатели, преимущественно учителя гимназии (Ф. Фортунатов, Н. Навашин, А. Иванский и др.), поэт Н. Вуич и совсем юная поэтесса В. Макшеева. Многие из них уже печатали свои стихи, рассказы и даже повести в столичной прессе.

Самым даровитым и многосторонне образованным был учитель словесности Николай Навашин. В его квартире и поселился Соколовский, а по субботам здесь же начал собираться большой круг литературной молодежи.

Вскоре Соколовский помог Навашину завершить составление сборника по образцу альманаха. В него вошло лучшее из созданного молодыми вологодскими литераторами, искавшими общения и участия. Сборник посвятили П. А. Плетневу, и Ф. Фортунатов увез его в Петербург. По его словам: «Вологодский сборник» был принят, прошел цензуру, но в печати не появлялся, и судьба его осталась неизвестной. К сожалению, и судьба многих его авторов сложилась не лучшим образом.

Среди участников субботних вечеров Соколовский выделял Вареньку Макшееву, дочь Д. М. Макшеева, владельца подгородного имения Осаново. Именно это «здешнее семейство» имеет в виду В. Соколовский, сообщая А. В. Никитенко (он хорошо знал эту семью и пользовался ее гостеприимством), что здесь, в этой семье, сосредоточил он «всю свою земную привязанность».

Стихи юной поэтессы печатались в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду», в «Маяке», «Галатее», «Библиотеке для чтения», в «Одесском альманахе» и часто рядом со стихами самого Соколовского.

Семья Макшеевых вызвала в душе ссыльного поэта самые памятные отклики.

Как и прежде, в Вологде поэт был тяжело болен, последние силы оставляли его. Но даже в таком состоянии, урывками, когда приходил к себе, он продолжал работать: завершал лучшую свою поэму «Альма», задумал и начал писать новую поэму «Разрушение Вавилона».

Герой лирики Соколовского то свыкается со страданиями, то ищет выхода из них, то готов расстаться с жизнью («Мне слезы, как воды, я горе, как хлеб!»), «Я с песней веселая пойду на страдания, С отрадой предамся огню и мечу»).

...Разыскания о месте Соколовского в «цепи времен» В. Чивилихин завершает словами: «Деспотический режим сломал это хрупкое звено, не имея сил разорвать цепи в исторической памяти потомков».